

Санкт-Петербургский государственный университет

Трибун Полина Александровна

Выпускная квалификационная работа

Власть и тело: концепция некрополитики в философии XX-XXI вв.

Уровень образования: *бакалавриат*

Направление *50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки»*

Основная образовательная программа *СВ.5045.2020 «Свободные искусства и науки»*

Научный
руководитель: доцент
кафедры
культурологии,
философии культуры и
эстетики, кандидат
философских наук,
Ноговицын Н.О.

Рецензент: Профессор
кафедры теории и
методики
преподавания искусств
и гуманитарных наук,
доктор философских
наук, Малышкин Е. В.

Санкт-Петербург

2024

Введение	2
Глава 1	6
1.1. Смерть в структуре становления субъекта.....	6
1.2 Политический субъект и “голая жизнь”.....	10
1.3 Насилие и исключение в структуре власти.....	13
1.4 Тело как объект власти.....	16
Глава 2	23
2.1 Исторические предпосылки конфликта.....	23
2.2 Некрополитика как основание геноцида рохинджа....	26
Заключение	33
Список использованных источников.....	34

Введение

В современной политической теории жизнь и смерть принимают ключевое и существенное значение в контексте политики как управления. Концепция биополитики, предложенная Мишелем Фуко в конце XX века, породила множество других концепций, которые олицетворяют суть включения человека как биологического существа в объект политической власти на сегодняшний день. В 2000 году камерунский исследователь Ашиль Мбембе предложил концепцию некрополитики для анализа политических механизмов контроля и управления именно смертью и смертностью. Согласно его теории, в современном мире суверенитет определяется правом власти принимать решение о том, кого оставить в живых, а кого убить.

Впоследствии концепция некрополитики Ашиля Мбембе претерпела изменения в работах других авторов и получила новые значения, например, в контексте политики в отношении умерших тел или практик, связанных с умершими телами. Статус дискриминированных групп, подвергающихся влиянию некрополитических стратегий, прекрасно иллюстрируется рассмотренным Джорджио Агамбеном в работе "Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь" правовым статусом субъектов, называемых "homo sacer" в Древнем Риме. По мнению Джорджио Агамбена, гражданин, совершивший определенное преступление, приобретал статус "homo sacer" или "священный человек", что приводило к его амбивалентному положению: провозглашенный homo sacer не мог быть принесенным в жертву в ходе ритуала, но при этом его убийство не могло считаться преступлением. Так, дискриминируемая в ходе геноцида группа получает статус homo sacer - "человеческая жизнь включена в соответствующий строй только через её исключение (то есть через возможность беспрепятственно отнять её)".¹ В

¹ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2010. С. 16.

связи с расширением медиа-пространства и более глубокого освещения локальных конфликтов в разных частях Земли вопрос о телесности, жизни и смерти, а также о их репрезентации вышел на первый план в повседневной жизни людей - и, соответственно, практики био- и некро- власти получили большую видимость.

В качестве практического материала для анализа в своей ВКР я выбрала геноцид рохинджа. Рохинджа — мусульманская этническая группа, проживающая в районе Рахин на севере Мьянмы. Исторические антагонизмы с бирманским правительством, основанные на этнической и религиозной принадлежности народа рохинджа, выступают важным контекстом для понимания геноцида. Геноцид рохинджа, происходивший в Мьянме с 2017 года, представляет собой серьезное нарушение прав человека и вызывает глобальную обеспокоенность.²

Несомненно, геноцид рохинджа является частной демонстрацией проявления некрополитики как феномена власти, так как репрессии, с которыми сталкивается народ рохинджа, имеют этнические предпосылки: народ рохинджа дискриминируется правительством Мьянмы на основании его этнической и религиозной принадлежности; мусульманское население региона с 2017 года сталкивается с внесудебными казнями, групповыми изнасилованиями, поджогами и детоубийством, что иллюстрирует основной принцип действия некровласти, описанный А. Мбембе - некровласть проявляется в мерах притеснения, предпринимаемых правящей группой, направленных на уничтожение “ненужных людей”.

В рамках данной работы я поставила перед собой цель:

² ООН. Миссия ООН по установлению фактов обвинила военное командование Мьянмы в геноциде мусульман-рохинджа Текст : электронный // Организация Объединенных наций : официальный сайт. — URL:<https://news.un.org/ru/story/2018/08/1336912> (дата обращения: 11.12.22).

1) Проанализировать концепт некрополитики, предложенный А.Мбембе, на примере геноцида рохинджа и выявить особенности геноцида, которые могли бы дополнить представленную теорию

В соответствие с поставленной целью, можно формулировать следующие задачи:

1) Изучить тексты М.Фуко о биовласти, а также исследовательские и комментаторские источники

2) Изучить тексты А. Мбембе о некрополитике, а также исследовательские и комментаторские источники

3) Изучить связь между концептом биополитики М.Фуко и концептом некрополитики А. Мбембе, соотнести подходы двух авторов и выявить “симптоматику” перехода биовласти в некровласть

4) Изучить тексты Дж.Агамбена о статусе дискриминируемого человека в контексте некровласти, а также исследовательские и комментаторские источники

5) Проанализировать геноцид рохинджа и его историю на предмет тех характеристик некрополитического процесса, выявленных мной в ходе изучения литературы

6) Сформулировать статус геноцида рохинджа в контексте теоретической репрезентации некрополитики

Методология данной работы включает в себя философский и исторический анализ работ о некрополитике, использование в ней практического материала - исторических и медиа-репрезентаций геноцида рохинджа - является опорой для истолкования и более глубокого понимания теоретических оснований изученных мною материалов. Объектом исследования настоящей работы является структура власти в концепции некрополитики, предметом данного

исследования является некрополитические практики власти в контексте геноцида рохинджа.

В первой главе настоящей работы я приведу основную теоретическую базу. В первой части первой главы я рассмотрю процесс политизации как неотъемлемую часть становления субъекта, далее, в второй части, я перейду к анализу вариаций включения категории жизни в политическое пространство, после чего, в третьей части первой главы, я рассмотрю механизмы включения и исключения как конституирующие элементы власти, а также исследую истоки и роль насилия в процессе учреждения власти. В четвертой части первой главы будет приведен философско-исторический анализ места тела в структуре биополитической и некрополитической власти.

Вторая глава настоящей работы будет посвящена рассмотрению геноцида рохинджа в створках той теории, которая будет рассмотрена мной в первой главе. В первой части второй главы мной будет приведена краткая история геноцида, которая покажет исторические факторы формирования сложной обстановки в регионе. Во второй части второй главы я применю те теоретические выводы, которые были сделаны мной в первой главе, к реальным механизмам власти, которые применяются по отношению к народу рохинджа, а также, благодаря анализу исторических данных о конфликте, дополню связи между концептами, проанализированными мной в первой главе.

Глава 1.

1.1. Смерть в структуре становления субъекта

Категории “жизнь” и “смерть” соотносятся друг с другом как два противоположных друг другу значения- те критерии, по которым можно оценить то, что что-то живо, являются антонимичными по отношению к тем критериям, по которым мы оцениваем то, что что-то мертво. Могут ли эти две крайности быть совмещенными в каком-либо существовании? Если они и могут, то в каких отношениях сосуществует живое и мертвое?

Для того, чтобы выявить связи между жизнью и смертью в сфере политического, начало данной работы будет концентрироваться вокруг концепций становления субъекта, для того, чтобы выявить то различие, которое является признаком перехода от объекта к субъекту, т. е. субъективации. В связи с этим, гегелевское обсуждение отношения между смертью и становлением субъекта можно считать неоспоримо важным для дальнейшего рассуждения в плоскости данных категорий.

В “Феноменологии духа” Гегеля смерть и смертность занимает центральное место в становлении духа как сущности человека - она выражает в себе конечность сознания, созерцаемую во времени. Дух одновременно представляет собой “зафиксированную конечность” в смертности как проявление единичного и “духовный фокус универсума” как проявление всеобщего. Смертность - это признак некоторой живой телесности, поскольку неживое умереть не может. Самосознание человека происходит тогда, когда бесконечное или всеобщее делает предметом самое себя, подчиняясь законам гегелевской диалектики. Таким образом, всеобщее приходит к своей противоположности, то есть к самосознанию - признанию различия “я для

себя самого”.³ Самосознание имеет двойной предмет - мир, который представляется реальным путем негации - растождествления природы с собой, и “само самосознание для себя”, которое открывается путем различения его от остального мира как его противоположности.

Для существования самосознания, по Гегелю, необходимо вождение снятия реальности - только путем преобразования окружающего мира и отрицания природы человек утверждает собственную самость. Суть человека заключается в том, что он должен отрицать природу - отрицание выражается в стремлении преобразовать природу в согласии со своими потребностями, и преобразовать объект в результате труда и борьбы.⁴ В этом случае об изменении окружающего мы можем говорить как о насилии над окружающим.

Насилие над окружающим понимается Гегелем как способ изменить тот порядок, который был предначертан биологическим существованием человека - в стремлении изменить мир человек отрекается от своего животного существования, таким образом обретая субъектность. Таким образом, субъектность можно трактовать как способность или возможность что-то менять в природной данности. Однако при столкновении интересов двух реализующихся субъектов возникает борьба за владение правом на изменение объекта, и именно победитель этого поединка устанавливает тот способ изменения реальности, который должен будет принять его соперник. Политическое, таким образом, образуется тогда, когда на сцене появляется второй агент. Для того, чтобы подробнее рассмотреть этот процесс, обратимся к теоретику власти А. Кожеву. В труде “Введение в чтение Гегеля” он отмечает, что в корне концепции самосознания Гегеля лежит желание большего, чем сохранения своей жизни - желание той более высокой цели, ради которой можно пожертвовать жизнью. Высшее животное желание -

³ Борисов С. Н. Гегель как “мистик насилия” сквозь оптику А. Кожева и В. Бенямина // Известия тульского государственного университета. Гум. науки. - 2018. - №4 С. 101

⁴ Mbembe A. Necropolitics // Durham: Duke University Press. - 2019. С. 68

сохранение жизни, а значит, чтобы стать человеком, нужно переступить через животное желание и удовлетворить желание человеческое: “Только посредством риска сотворяется и раскрывается как таковая человечность; только благодаря риску она «удостоверяется», т. е. обнаруживается, доказывается, верифицируется и подтверждается как что-то, по существу отличное от животности, от реальности природной.”⁵ В этот момент большее значение для нас приобретают категории животного и человеческого; они становятся в один ряд с “жизнью” и “смертью”.

А. Кожев утверждает, что человеческое бытие образуется только в ходе борьбы за признание Желания - человек борется за признание своего Желания другим, что приводит к установлению отношений Раба и Господина. Желание Господина оказывается признанным Рабом, который вынужден поступиться в признании своего Желания. “Иначе говоря, человек никогда не появляется на свет просто человеком. Он всегда - неминуемо и по сути - либо Господин, либо Раб”.⁶ Желание в контексте этой теории приобретает характер очеловечивающего или политизирующего элемента. Самосознанию необходим другой, чтобы быть признанным - так, завершается абстракция своего “я”, потому что чтобы “я-для-себя” являлось достоверным и истинным, оно должно быть таковым не только для себя, но и для другого. Так, субъект в поисках признания его “я-для-себя” преобразует мир, в котором другой, обладающий самосознанием и желанием признания, воспринимается как нечто враждебное и требующее действия. Под признанием самосознания А.Кожев принимает выведение своей сущности или “я для себя” из видения субъективного в объективную, понятную всем истину или реальность.

Двое сталкиваются в борьбе за признание не на жизнь, а на смерть. Однако смерть одного из соперников подразумевает исчезновение того, кто может

⁵ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 16

⁶ Там же, с. 17

признать самосознание за соперником, признать его Господином: “Стало быть, если оба противника гибнут в борьбе, “сознание” упраздняется полностью, так как человек после смерти - не более чем бездушное тело”.⁷ Таким образом, оказывается необходимым оставить соперника в живых, чтобы осуществить цель борьбы. При этом сопернику оставят жизнь, но лишат его самостоятельности, т. е. поработят. В гегелевской концепции становления субъекта диалектически связаны жизнь, смерть и власть над другим: реализация человека как человека невозможна без смертельной схватки, через неё человек отстаивает свое право учреждать свой порядок. Эту же логику можно приложить, однако, к суверенитету политической власти. Учреждение власти не обходится без столкновения противоположного: закона не существует без преступления, морали - без произвола, порядка не существует вне хаоса. Ситуации, в которых достигается соглашение между победившим и побежденным, рабом и господином всегда содержат в себе насилие и боль, которая причинена другому, при этом учреждается право сильного - то, что даруется в ходе поединка и влечет за собой закон.

Для данной работы очень важен взгляд А. Кожева на процесс становления властных отношений, поскольку он выводит теорию становления за границу личного, экстраполируя ее на сферу политического. А. Кожев является одним из основоположников направления философии, известного как философия власти. В отличие от политической философии, философия власти предполагает, что власть первична по отношению к политике, и изучает сущность бытия власти, ее структуру. Субъект, таким образом, существуя в окружении других субъектов, неизбежно оказывается вписанным в иерархизированную структуру власти, главным механизмом установления которой является насилие. У Гегеля, как и у Кожева, осознание смертности, а

⁷ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 22

значит и телесности выступает неизбежными элементами как становления субъекта, так и становления межсубъектных отношений. Субъективизация является изначально политическим процессом. Таким образом, можно сделать выводы о том, что желание власти конструирует субъекта, и в то же время субъект, становясь субъектом, конструирует власть. Учреждение власти является условием сосуществования двух субъектов, оно организует общую для всех парадигму мира и устанавливает порядок.

1.2 Политический субъект и “голая жизнь”

Поскольку предметом данной работы является некрополитика, далее мной будут рассмотрены разнообразные политические практики, которые привели к тому, что некрополитика в целом получила концептуальное право на существование и благодаря этому может являть собой предмет моего исследования.

Дж. Агамбен в своей работе “*Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*” оставляет политической субъектности особое место в структуре власти. Он обращается к историческому примеру - греческим словам “*zoe*” и “*bios*”, которые существовали для того, чтобы на языковом уровне разграничить сферу жизни животной и сферу жизни человеческой. “*Zoe*” трактуется Агамбеном как “природная жизнь”, сам факт жизни, присущий всем живым существам, а “*bios*”, которое раскрывает жизнь как “правильный способ или форму жизни индивида или группы”.⁸ Таким образом, жизнь оказывается разделенной надвое - в своем общественно-политическом проявлении она может быть обозначена как “*bios*”, в то время как “*zoe*” представляет собой жизнь биологическую. В греческом *polis* могла существовать только “*bios*”, “*zoe*” же выносилось за границу политического.

⁸ Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М: “Европа” 2011 С. 7

Дж. Агамбен делает “главным героем” своей книги *homo sacer* не случайно - именно эта категория римского права описывает исключаящий характер включения человеческой “голой” жизни в политический строй. Статус *homo sacer* принадлежал человеку, осужденному за преступление и изгнанному из общества. Изгнание при этом сохраняло специфический вид: *homo sacer* мог быть безнаказанно убит любым другим человеком, однако не мог быть принесен в жертву. Таким образом, изначальный смысл этого положения предписывает включить - или обозначить в существующей правовой реальности - осужденного как потенциально исключаемый элемент. *Homo sacer* может быть уничтожен в любой момент, его жизнь не защищена правом, она представляет собой “*zoe*”, отлученную от “*bios*”, при этом *homo sacer* не оказывается исключенным из политического. Однако жизнь, присущая *homo sacer* не является жизнью полностью природной - как в изначальном определении “*zoe*”, она не является более ни исключительно биологической категорией, ни политической. *Homo sacer*, таким образом, оказывается уникальным примером включения аспекта биологической жизни в правовую структуру, при том, что такое включение было не свойственно греческому государству. Отнятие “голой жизни” не считается преступным, поскольку она приравнена к жизни животного, в то же время именно правовая категориальность предписывает жизни возможность быть отнятой.

М. Фуко в своих лекциях в *College de France* начиная с 1977 года обращает внимание на то, что главная идея государства сменилась - из “территориального государства” мы пришли к “государству населения”.⁹ Одним из главных тезисов, которые были освещены в лекциях “Нужно защищать общество” 1975-1976 гг. был тезис о том, что государственная власть все более стремится контролировать биологическую жизнь населения. Это приводит к росту концентрации интересов государственных институтов

⁹ Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М: “Европа” 2011 С. 11

вокруг таких биологических проявлений человека, как жизнь и смерть, а также всех сопутствующих состояний - наследственности, деторождения, старения и т.д.. Биополитика в трактовке Фуко занимается государственным регулированием биологических процессов массы населения. Власть осуществляется путем разделения биологической массы на группы и на подгруппы, между которыми осуществляется биологическая цензура. В биополитическом контексте, жизнь, ранее разделившаяся на “zoe” и “bios”, оказывается вписанной в политическое пространство полностью - анимализация человека, осуществляемая тончайшими политическими технологиями, позволяет не только защитить жизнь человека, но и оправдать принесение ее в жертву. Дж. Агамбен утверждает, что вход “zoe” в сферу polis, то есть политизация жизни, знаменует радикальный поворот политико-философских категорий античной мысли - состояние мира после Холодной войны привело к процессу “исчезновения границ” и возникновению концептуального различия жизни внутри биополитики на жизнь, которой присуща форма, которая может быть регулируемой государственно и эксплуатируемой во имя власти и на “голую” жизнь, которая остается за гранью институционального регулирования, оказавшись, таким образом, предоставленной самой себе.¹⁰

Сложность биологически-политических отношений в этом примере схожа со сложным в определении статусом дискриминируемых групп сегодня, а в частности - с геноцидом рохинджа, что будет продемонстрировано мной во второй главе. Субъектность народа рохинджа отнята так же, как отнята политическая субъектность у homo sacer - этот народ лишен возможности быть интегрированным в политическое пространство, его включенность в сообщество заведомо исключена его статусом.

¹⁰ Gržinić M., Tatlić S.. Necropolitics, Racialization and Global Capitalism: Historicization of Biopolitics and Forensics of Politics, Art and Life. Lanham: Lexington books, 2014. С. 22.

1.3 Насилие и исключение в структуре власти

Власть в своей сущности конструирует зону неразличимости между правом и насилием, между животным и человеческим, и именно в этой зоне неразличимости коренится суверенное насилие. Для того, чтобы существовало право, необходимо, чтобы существовало и доправовое состояние, которое может быть приведено к правовому. По своей структуре, становление государства очень схоже с процессом становления субъекта, описанным в моей работе выше.

В самой формулировке рассмотренного Дж. Агамбенем статуса *homo sacer* заложено обращение к категории сакрального. Человек сакральный - это тот, кто вынесен за пределы обычного, суетного, профанного. Сакральность заключает в себе то, что не принадлежит жизни и исключено из неё. При этом, сакральность присуща и суверену как фигуре, исключенной из общего и стоящей над общим, и человеку, вычеркнутого из общего политического - и обращенного в репрезентацию голой жизни.¹¹

Ж.Батай обращается к принципу двойственности сакрального как неотъемлемой характеристике власти.¹² Границы сакральности, очерчиваемые в ходе движения социального бытия, определяют как исключительное, так и исключенное. Те объекты, процессы и явления, которые не входят в трудовую жизнь, табуируются и провозглашаются либо неприкосновенными, либо неприкасаемыми - в итоге, границы сакрального определяют две крайние противоположности - самое высокое и самое низкое, самое красивое и самое безобразное, самое добродетельное и самое порочное.

Батай предлагает видеть сакральное как два противоположных полюса - левое и правое.¹³ Левое в его теории - неприкасаемое - то, что исключено из общества как преступное, грязное или нечестивое, а правое -

¹¹ Агамбен Д. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М: "Европа" 2011 С. 15

¹² Там же, С. 147

¹³ Тимофеева О. *Химера суверенности: между Шмиттом и Батаем // Синий диван*. - 2008. - №12. С. 74

неприкосновенное - божественное, чтимое и принадлежащее к порядку закона. Левое всегда движется и трансформируется в правое - и власть по своей природе всегда связана с левым - насилием, она нечестива в первоначальном действии своего становления. Власть учреждается тогда, когда она совершает преступление - и искупить его она может только тем, что сама она окажется смертна - таким образом, она добровольно отдает себя в жертву. Однако власть не заинтересована в таком исходе - и, стремясь оттянуть момент жертвоприношения, она “направляет своё орудие” против подвластных ей людей.¹⁴ Общество, при этом, включает в себя гетерогенные и гомогенные элементы. Гомогенные элементы представляют собой включенных в механизм распространения благ людей, чье благосостояние устойчиво, если власть остается стабильной; гетерогенные элементы остаются за пределами схемы распределения благ - и, являясь основной силой, которая заинтересована в том, чтобы изменить этот порядок, они также являются основным врагом власти.¹⁵

Вопреки устанавливаемому государством и властью порядку, в основании права суверена на власть всегда лежит противоположность порядку - хаос. Дж. Агамбен, ссылаясь на немецкого исследователя К. Шмитта, описывает это так: “Естественное право и принцип сохранения собственной жизни - является потаенным ядром политической системы, благодаря которому она живет в том же смысле, в каком, согласно Шмитту, правило живет благодаря исключению”.¹⁶

Обнаруживая состояние хаоса, суверен приостанавливает действие нормального правопорядка в данной области и устанавливает свою непосредственную власть. В этом действии суверена прослеживается установление границы чрезвычайного положения, определение “внутреннего” и “внешнего”, которое делает возможным установление

¹⁴ Там же, С. 75

¹⁵ Там же, С. 70

¹⁶ Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М: “Европа” 2011 С. 50

двойственного порядка - порядка нормы и порядка власти. Дж. Агамбен описывает это так: “Пространственный порядок”, в котором для Шмитта заключён суверенный *potos*, не является, следовательно, только “захватом земли” (*Landnahme*), утверждением правового порядка (*Ordnung*) и территориального порядка (*Ortung*), но в первую очередь “захватом внешнего”, исключением (*Ausnahme*).”¹⁷ Те территории и формации, которые подлежат приведению из хаоса в порядок, не являются ни тем, ни другим - таким образом, территория чрезвычайного положения - это зона неразличимости, конституирующим механизмом которой является действие исключения. В некотором смысле, исключение - это необходимое действие для установления какой-либо власти - чтобы внедрить какой-либо новый порядок, необходимо изначально определить ту сферу, в которой этот порядок будет учреждаем.

Таким образом можно заключить, что власть конструирует некоторую разделенную территориальность, которая лежит в основании ее способности учреждать новый порядок - т. е. приводить в работу те процессы, на котором основано ее существование. Так же, как борьба есть необходимая часть становления субъекта, введение чрезвычайного положения, исключение, насилие и насаждение на выбранной исключенной области нового способа существования являются неизбежным процессом формирования идентичности власти. При этом, именно гетерогенные элементы общества чаще всего находятся целевой группой действий власти - на них направлены те технологии, которые позволят новому, необходимому власти порядку закрепить свои позиции или уничтожить сопротивление, если жизнь части общества ставит под вопрос сущность власти. Некрополитизация, таким образом, есть насилие, примененное по отношению к исключенной группе, которая фактом своего существования попирает легитимность настоящей власти, угрожая ей.

¹⁷ Там же, С. 27

1.4 Тело как объект власти

Включение насилия в механизм власти оказывается неизбежным - в своей изначальной формации государство, согласно Гоббсу, образуется для того, чтобы остановить войну всех против всех и положить конец естественному состоянию, где каждый может убить, но каждый может быть убит.¹⁸ Обеспечивая порядок, суверен становится единственным, кто имеет право на насилие; естественное право концентрируется отныне только в нем - через него естественное состояние оказывается вписанным в общество. Происходит смешение политики и войны, политический акт, совершаемый сувереном несет в себе насилие по отношению к тому, что может помешать осуществлению власти - биофизическое уничтожение врага не только избавит суверена от опасности, но и укрепит его безопасность. Именно по этой причине казнь, осуществляемая сувереном имела характер публичного действия. Казнь как демонстрация превосходства, как манифестация разрушительной силы, которая может настигнуть каждого, кто будет противостоять воле суверена. Страх является конституирующим элементом системы подчинения - на это обращает внимание М. Фуко в работе "Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы". Фуко рассматривает эволюцию системы государственного наказания преступивших закон: он обращает внимание на те различия, которые произошли в институтах отправления власти начиная с XVIII столетия. Мишель Фуко начинает с контраста: сначала он описывает процедуру казни некоего приговоренного к смерти в 1757 году Дамьена, пытавшегося убить короля, а следом - Фуко сразу же приводит распорядок дня "для Парижского дома малолетних заключённых", составленный Леоном Фоше три четверти века спустя, то есть в первой трети XIX века. Он обращает внимание то, что за менее, чем век, произошло изменение тенденции наказания: "за несколько десятилетий исчезло казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или

¹⁸ Там же, С. 50

плечо, выставяемые на публичное обозрение живым или мертвым. Исчезло тело как главная мишень судебно-уголовной репрессии"¹⁹.

Для того, чтобы глубже понять корень различия между двумя примерами, приведенными Фуко, взглянем более подробно на каждый из них.

Робер-Франсуа Дамьен был схвачен после того, как, набросившись на короля Франции Людовика XV, он ранил его в правый бок. За Дамьеном не стояло заговора и он раскаялся, а король не получил практически никаких ранений, но тем не менее преступник был осужден и приговорен к смертной казни с предшествовавшими ей пытками. Тело Дамьена было казнено показательно и церемониально, казнь разыгрывалась, как спектакль, перед сотнями зрителей. Сам сценарий казни содержит символический смысл: "Второго марта 1757 г. Дамьена приговорили к "публичному покаянию перед центральными воротами Парижского Собора"; его "надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фунта в руках", затем "в той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздиранья раскалёнными щипцами сосков, рук, бедер и икр возвести на сооруженную там плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить царубийство; руку сию следует обжечь горячей серой..."²⁰ Так, ритуал казни включает в себя и демонстрацию самого проступка, таким образом устанавливая реальность того, за что карают, и демонстрационное "пресечение" совершения преступления - рука, которая несла злополучный нож, была искалечена в ходе казни. Тело осуждённого на смерть само по себе становилось сценой, где воссоздавалось совершенное им преступление.²¹

¹⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать:Рождение тюрьмы. М: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 12

²⁰ Там же, С. 7

²¹ Рахманинова М. Власть и тело — Издание второе, дополненное. — М.: Радикальная теория и практика, 2020. С. 123

На примере казни Дамьена хорошо прослеживается последующая логика М.Фуко относительно микрофизики власти. Преступление, которое было совершено, двунаправлено: существует непосредственная жертва преступления, но также существует и закон, который преступили. Закон представляет собой выраженную и закрепленную волю суверена, преступление же его - это преступление против суверена как лично (против его воли), так и физически (против силы закона, то есть силы суверена). Таким образом, суверен высыпает в процессе наказания не как нейтральное лицо, которое способствует торжеству правосудия, но и как жертва преступления против установленного им порядка.²² Казнь как театрализованное представление была призвана восстановить то соотношение сил, которое было нарушено - и жестокость казни была оправдана тем, что она и не должна быть соразмерной деянию, а, напротив, цель казни - показать превосходство власти над подданным.

Однако несмотря на жестокость мщения, суверен также являлся единственной силой, которая способна отозвать смерть, остановить казнь - таким образом, вернув право на жизнь. Таким образом, вновь подчеркивается концентрация власти в руках суверена - он имеет право производить правосудие суду, однако в любой момент он может ужесточить или отменить наказание, он является одновременно и силой уничтожения, и силой милосердия.

Присутствие элемента власти над телом подсудимого можно найти и в ритуале допроса с использованием пытки. Если конец казни предполагает лишение жизни казнимого, то пытка представляет собой расследование - подсудимый ещё не сознался в содеянном, и если пытка не приведет к признанию, все обвинения будут сняты. В механике установления истины путем применения пытки прослеживается сходство процедуры с судом Божьим - так, боль, причиненная телу пытаемого, или заставит его признать

²² Фуко М. Надзирать и наказывать:Рождение тюрьмы. М: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 61

обвинение - и, таким образом, страдания будут оправданы; или же не приведет к признанию - а значит страдание будет служить оправданием невиновности. Тело, таким образом, вступает здесь в поединок с обвинением - пытка служит средством расследования, где одержит верх либо сторона обвинения, либо обвиняемый.²³

Таким образом, тело осуждённого вбирало в себя множество функций - в первую очередь, оно само по себе являлось сценой, где разыгрывался полный спектакль произошедшего нарушения закона суверена: тело пытали, чтобы добиться подтверждения истинности совершенного преступления; на нем восстанавливались события деяния, за которое его карают; противозаконное деяние, "отображенное" на теле, "стиралось" и придавалось уничтожению во время процесса казни; тело осуждённого было свидетельством мести суверена. Именно тело было тем элементом, через который проходил весь процесс судопроизводства, оно являлось его центром.

С начала XIX века в уголовно-правовой системе проходят реформы, и способ влияния на тело меняется кардинально, жестокость публичной казни отходит на второй план - проблемой становится преступный индивид как таковой, который более не может быть редуцирован к телу казнимого. Тело всё ещё остается объектом наказания, однако оно не сталкивается с ним напрямую - количество казней с применением пыток уменьшается, власть над телом осуществляется "на расстоянии" - Фуко называет обновленную систему "экономией "приостановленных" прав" - власть в большей степени ограничивает свободу, но не лишает жизни.²⁴

Несмотря на это, уничтожение жизни со временем принимает другой облик - власть отходит от механики точечного мщения и приходит к выделению целой группы индивидов, которая может представлять опасность. Необходимо признать влияние технологического прогресса в этом процессе -

²³ Там же, С. 54

²⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать:Рождение тюрьмы. М: Ад Маргинем Пресс, 2016.С. 16

Первая мировая война стала тем рубежом, после которого множественное убийство показало свою действенность. Став механизированной, серийная казнь превратилась в чисто техническую, быструю и простую процедуру.

Изменение карательной системы можно назвать следствием определенного властного дискурса, в котором такая казнь может считаться приемлемой и оправданной. Важным примером такой политики может считаться проект “национального решения еврейского вопроса”, который привел к образованию анклавов, где существовала голая жизнь - концентрационных лагерей.²⁵ Там, тысячи людей были лишены любого проявления субъектности - их имена были сведены к номерам, одежда унифицирована - и фактически сводились до значения объекта. Объективизация выражалась во множественных биологических экспериментах, осуществляемых на телах как предметах. Люди лишались статуса человеческого - и в случае отсутствия пользы, которую они могут принести власти как предмет изучения или голая рабочая сила, они подвергались множественному уничтожению самым простым и дешевым путем, который на тот момент существовал.

А. Мбембе обращает внимание на схожесть концентрационного лагеря и колонии как тех мест, в которых норма закона не действует, а все процессы подчиняются решению суверена - или завоевателя. Равенство на этих территориях исчезает до степени абсолютного стирания любого общего между сувереном и пленным или завоевателем и дикарем. Отсутствие любых общих связей подразумевает то, что насилие в зонах колоний меняет свою изначальную направленность и может, таким образом, трактоваться как “насилие во благо цивилизации”.²⁶ Во многом, именно опыт западной колонизации был положен в основу той структуры жесткого различия и порабощения, который впоследствии был воплощен в концентрационном лагере. Таким образом происходит рождение некрополитики - и если в

²⁵ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М: Европа, 2011 С. 29

²⁶ Mbembe A. Necropolitics // Durham: Duke University Press. - 2019. С. 77

концепт биополитики М. Фуко жизнь вписана в политическое пространство, то некрополитика А. Мбембе выражается именно исключением жизни из пространства политического существования. В XX веке деление территорий на те, в которых действует учрежденное право, и те, в которых действует учреждающая власть, приобрело новое значение. Системы государственного управления, до этого не определяющие меру своего воздействия в зависимости от правового статуса территории, пришли к иному способу производства территориальной власти и сделали попытку локализовать то нелокализуемое, которое обозначалось рамками действия чрезвычайного положения - в результате этого появились такие феномены распространения власти, как концентрационные лагеря. Концентрационный лагерь это и есть репрезентация включающего исключения - и жизнь, которая существует внутри него, подчиняется той же парадоксальной структуре - она существует одновременно и внутри, и вовне установленного правового порядка. В самой формации концентрационного лагеря заключено определение исходной формулы суверенной власти как “первоначальной структуры, в которой право соотносится с жизнью и включает ее внутрь себя в акте приостановки собственного действия”.²⁷

Таким образом, некрополитика стала следствием изменения механизмов воздействия власти на телесность. Увеличение возможных масштабов уничтожения и упрощение процедуры умерщвления привели к появлению такого феномена, как геноцид. При этом, тело все еще остается ареной для того, чтобы власть могла показать свою мощь и превосходство - отличие современных способов демонстрации власти по сравнению с казнями XVIII вв., которые описал М. Фуко лежит не в театрализованном представлении, а - напротив - в масштабе уничтожения неуютной жизни. При этом та жизнь, которая подлежит уничтожению, оказывается анонимной - нет точных

²⁷ Там же, С. 67

данных ни о количестве убитых, ни о именах, ни о какой-либо другой идентичности. Субъектность уничтожаемых стирается - в этом, несомненно, прослеживается тенденция к дегуманизации, лежащая в корне некрополитики.

Глава 2.

2. 1. Исторические предпосылки конфликта

Для того, чтобы рассмотреть геноцид рохинджа и применить к нему теоретические выводы, которые следуют из первой главы данной работы, я обращаюсь к истории того конфликта, который впоследствии привел к геноциду рохинджа.

Конфликт буддистского населения Мьянмы и народа рохинджа начался задолго до современности - первые мусульмане в регионе появились в XVI в. и представляли собой преимущественно восточных торговцев. Регион оставался преимущественно буддистским вплоть до XIX века. В 1926 году во время первой Англо-бирманской войны Британия аннексировала бирманский штат Ракхан и основала там свою колонию. Так как в то время штат являлся одним из крупнейших регионов с рисовыми плантациями во всей Азии, для получения экономической прибыли необходимо было большое количество рабочей силы, и следствием этого стал массовый завоз людей из других колоний, находившихся под властью Британии - южной Индии и Бенгалии. Население Бенгалии составляли преимущественно мусульмане, соответственно, в Ракхан, в котором большинство исповедовало буддизм, направился большой поток иноверцев. К началу 20 века численность бенгальцев на территории Ракхана составила 180000 человек. Местное население относилось к бенгальцам как к временно пребывающей на их территории рабочей силе, которая была привезена колониальными властями. Во многом на негативные настроения по отношению к пребывающим мусульманам коренились в нежелании местного бирманского населения принимать религию поселенцев, которые, живя в течение десятилетий на территории штата, стали создавать свою культурную

инфраструктуру - строить мечети и медресе. Первые конфликты между двумя сообществами начались еще в XIX веке, и, таким образом, исток конфликта можно назвать религиозным. Колониальная британская власть пресекала попытки местных жителей протестовать против культурной экспансии, поэтому в течение некоторого времени конфликты оставались локальными.

Во время второй мировой войны регион подвергся захвату со стороны Японии. Бирманцы лояльно приняли японских захватчиков после века натиска Британской империи. Япония создала на территории современного государства Мьянма Национальную армию Бирмы, и местное буддистское население отнеслось к ней лояльно в надежде на то, что армия поможет освободить регион от нежелательных бенгальских рабочих.

В то же время, мусульманское население Ракхана оставалось лояльным по отношению к Британской колонии, однако оно все еще находилось на территории, оккупированной Японией. В 1942 году Британия передает бенгальцам партию оружия для ведения партизанской войны против местного населения. Следствием этого сотрудничества стала Ракхайнская бойня, во время которой бенгальцы, благодаря поставкам британского оружия, уничтожили 50000 местных бирманских буддистов.

После Ракхайнской бойни начались массовые этнические чистки, направленные против мусульманского населения, проводимые японской армией по договоренности с местным бирманским населением. Около 40000 бенгальцев были вынуждены покинуть штат Аркан и уехать в Бангладеш. В результате массовой эмиграции из штата не только целевой группы, но и гонений обычных людей, в Ракхайне все еще осталось по большей части мусульманское население. В результате данных событий обострилась этническая поляризация внутри региона: Ракхайн оказался разделенным на две части - буддистскую и исламскую - северную часть штата населяют по

большей части рохинджа, которые создали на этой земле почти полностью мусульманское государство.

В 1947 году сепаратистские настроения бенгальской части региона усилились. Это было вызвано созданием государства Пакистан и желанием мусульманской части штата присоединиться к новообразованному государству. В то же время, в 1948 году в результате договора с Британией была объявлена независимость Бирмы, и сразу же после этого в стране был введен статус военного положения. Уходящие британские колониалисты провели границу так, что штат Ракхайн остался под властью бирманского правительства. Мусульманское население штата организует военно-политическое движение “Армия спасения Аркхан-рохинджа”, выступающее за автономию штата от Бирманского правительства, и именно с этого момента слово “рохинджа” стало обозначать общество бенгальских иммигрантов-мусульман, населявших Ракхайн. С установлением бирманского суверенитета, рохинджа получают гражданские и политические права, но с приходом к власти в 1962 году Не Вина, курс внутренней политики изменился и был направлен на сокращение индийцев и китайцев в стране, что привело к возобновлению ограничения прав рохинджа. Несмотря на многолетнее проживание на территории государства, рохинджа не получают права на бирманское гражданство. С конца 1970-х бирманское правительство реализует ряд операций против бенгальских повстанцев. Конфликт достиг своего апогея в 2016 году, когда группа вооруженных боевиков совершила нападение на пограничные полицейские пункты, что повлекло за собой жертвы среди мьянманских полицейских. Позднее, в 2017 году, повстанческая группировка “Армия спасения рохинджа Аракана” взяла на себя ответственность за совершение нападения, при этом сообщив, что его целью было привлечение внимания к притеснению народа рохинджа. В результате этого, в регионе началась массовая чистка - в попытках

уничтожить вооруженных мусульманских боевиков, власти Мьянмы принимают решение уничтожать все мусульманское население.

2.2 Некрополитика как основание геноцида рохинджа

Как было показано мной в первой главе, субъектность неизбежно имеет именно политический характер - и история геноцида рохинджа прекрасно иллюстрирует этот тезис. Рохинджа как народ не признан официальным правительством Мьянмы - для граждан страны рохинджа до сих пор носят название “бенгальцы”, а в 1982 году правительство окончательно лишило рохинджа статуса этнической группы на законодательном уровне.²⁸ Несогласный быть покорным власти народ не только оказывается на задворках правовой структуры государства, но и не имеет права на самоидентификацию - право называться соответственно своему решению. Имя является тем элементом, который отличает субъект от остального окружающего его мира, и право именоваться - это, таким образом, способ представления гегелевского “я для себя”. Принятие Другим, необходимое для совместного сосуществования с другими агентами политического поля, также остается невозможным, поскольку рохинджа существуют на территории Мьянмы в статусе беженцев из Бангладеша. Несмотря на проживание на территории страны в течение многих десятилетий, они не имеют формального права быть идентифицируемы как полноценные граждане той страны, которую они населяют.

Так, принцип включающего исключения, предложенный Дж. Агамбенем на основании теории чрезвычайного положения К. Шмитта положен в основание территориально-правового положения народа рохинджа. Его

²⁸ Тищенко С. Ф. Конфликт на юге Мьянмы. Причины, прогнозы. // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика. Пенза: МЦНС “Наука и просвещение”. С. 48

представители не находятся под опекой того государства, в котором они живут - и, несмотря на то, что они несут обязательную службу государству - принуждаемые государством к труду, они обязаны раз в неделю работать на государственных военных предприятиях и нести службу в карауле - они не являются полноправными гражданами. Мьянма использует человеческий ресурс рохинджа как простую рабочую силу, которая включена в производство государственных благ, которые при этом никогда не могут по праву принадлежать им. Общая среда карающего беззакония, царящая в регионе, не является в полной мере беззаконием - властям Мьянмы выгодно иметь рабочую силу в виде народа, которого при этом не нужно обеспечивать условиями для того, чтобы работы выполнялась. Движущим механизмом данного явления является устрашение, которое выведено в новый законодательно установленный порядок, воплощающий в себе живую картину чрезвычайного положения Шмитта. Нарушение распределения производимых благ является одним из элементов цепи механизмов, которые приводят к установлению некровласти.

Рохинджа представляют собой гетерогенное общество - в концепции Ж. Батая, как было сказано мной в первой части настоящей работы, гетерогенные элементы становятся первостепенными врагами власти, поскольку они выбиваются из того большинства, которому присутствие наличной власти может быть выгодно. Большинство жителей Мьянмы исповедуют буддизм - и культурно-религиозные разногласия занимают одно из важных мест в ряде тех факторов, которые позволяют конфликту существовать в течение долгого времени. Кризис положения рохинджа определяется в том числе тем, что мьянманское правительство представлено преимущественно буддистами, а действия сепаратистских исламских группировок, с которыми ошибочно отождествляется весь рохинджа, обостряют межрелигиозные противоречия. Религиозный фактор, несомненно,

имеет место в том стечении обстоятельств, которые привели к геноциду: именно культурные различия между группами стали основанием для появления различия, которое привело к установке необходимой для некрополитики парадигмы “свой-чужой”, однако геноцид нельзя полностью причислить к этноконфессиональным конфликтам - поскольку корнем проблемы является именно территория и ее принадлежность определенной группе и вытекающие из этого последствия.²⁹ Тем не менее, именно угрожающее безопасности государственного суверенитета Мьянмы поведение группировок, происходящих из народа рохинджа, позволяет органам безопасности Мьянмы совершать систематическое применение насилия по отношению ко всему сообществу мусульманскому сообществу штата Ракхайн. По масштабу и разрушительности это насилие, без сомнений, демонстрирует в себе ответ суверена на посягательство на целостность его тела - погромы и массовое кровопролитие сравнимо с казнью преступника Дамьена, описанной М.Фуко. Однако в современном мире, благодаря развитию человечеством технических и стратегических способов уничтожения себе подобных, также описанного мной в первой главе, позволяет возможность проявить праведную жестокость суверена во всей его, недоступной до настоящего времени, мощи.

Невозможно не упомянуть также фактор связи предков рохинджа с британскими колонизаторами. Для мьянманцев бенгальские переселенцы были частью того строя, который был установлен Британией в период колонизации Бирмы, и, соответственно, пребывание их на территории штата Ракхайн является следствием колониальной власти, осуществляемой над регионом. Последующая агрессия официального правительства по отношению к рохинджа укладывается в логическую цепь движения власти от

²⁹ Тищенко С. Ф. Конфликт на юге Мьянмы. Причины, прогнозы. // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика. Пенза: МЦНС “Наука и просвещение”. С. 47

левого к правому полюсу, описанную Ж. Батаем. Так, притесняемые в течение многих лет британскими колонистами бирманцы выражают свой протест по отношению к британскому правлению через обращение разрушительной силы на то, что осталось от старого колониального режима - так, почти миллион беззащитных людей оказывается в ловушке принадлежности к прежней власти, при этом прежняя британская власть также отвергает рохинджа, оставляя их один на один с разъяренными бирманцами, которые основали новое националистическое государство на территории бывшей колонии. Народ рохинджа, таким образом, представляет собой отверженное сообщество, не защищенное никакой властью - “голая жизнь” Агамбена в его сущности возведена до значения абсолюта.

Тяга к самоопределению и приобретению политической идентичности влечет за собой борьбу не на жизнь, а на смерть - прибегая к террористическим методам, мусульманские боевики подтверждают высказанный мной в первой части первой главы тезис о том, что путь к политической субъектности нередко лежит через смертельную схватку. В подтверждение этому можно привести высказывание заместителя командира “Армии спасения рохинджа Аркана”, ставшее известным после нападения на пограничные пункты в 2017 году: «Умереть быстро лучше, чем умирать медленно. Они пытали нас день за днём, другого варианта не было. Мы знали, что будет, но решили пойти на это».³⁰ Таким образом можно сделать вывод, что признание субъектности Другим - в данном случае признание статуса рохинджа как полноправной этнической группы правительством Мьянмы - это то, что дает некоторую гарантию безопасности субъекта, и, напротив, непризнание делает субъекта, а значит и его право на существование, невидимым и неразличимым для Другого. Тот, кого нет, не

³⁰ Боевики-рохинджа признались в провоцировании геноцида собственного народа// новостное изд. lenta.ru [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/27/rohingya/> (Режим доступа: 22.05.24)

может иметь прав - а это значит, что их невозможно нарушить - вот та логика, которая лежит в основе некрополитики как прежде всего отказа от признания субъектности другого. В этом случае смерть может являться способом выхода из оков непризнания - А. Мбембе в своей работе “Necropolitics” упоминает возможность самостоятельно принять решение умереть как последнее проявление агентности. Смерть, в таком случае, воспринимается как освобождение от рабства и подчинения.

Рохинджа, являясь лишь самопровозглашенным этносом, представляет собой репрезентацию концепции “голой жизни” Дж. Агамбена - лишенный политического статуса - то есть возможности получить гражданство и все права, которые сопутствуют ему - он принадлежит к человеческому сообществу, при этом находясь вне его. Те правовые возможности, которые взамен подчинению выделяет народу государство - то есть доступ к медицине и здравоохранению, образованию, государственным институтам - оказываются за пределами возможности обращения для мусульман, которые населяют штат Ракхайн. Они лишены возможности обустроить свое жилище - против них властями Мьянмы систематически применяется техника “выжженной земли” - мусульманские деревни в Ракхайне подвергаются сожжению, чтобы людям некуда было возвращаться. Так, в 2016 году правозащитная организация “Human Rights Watch” опубликовала спутниковые снимки, демонстрирующие 1250 домов, принадлежащих рохинджа и сожженных службой безопасности Мьянмы.³¹

Рохинджа, без сомнения, являются мьянманским выражением статуса неприкосновенных. Связи между буддистами и мусульманами пресечены государственной политикой - так, в 2015 году вышел пакет законов, сильно

³¹ New wave of destruction sees 1,250 houses destroyed in Myanmar's Rohingya villages // International business times [Электронный ресурс] URL: <https://www.ibtimes.co.uk/new-wave-destruction-sees-1250-houses-destroyed-myanmars-rohingya-villages-1592582> (Режим доступа: 15.05.24)

ограничивающий репродуктивные и семейные права и свободы рохинджа.³² В числе принятых законодательством правил есть запрет на межконфессиональные браки между местными буддистками и мусульманами, а также запрет рохинджа иметь более двоих детей. Несомненно, ограничение рождаемости можно назвать одним из механизмов нерополитической власти, поскольку снижение рождаемости ведет к старению населения, а значит и повышению смертности и уменьшению количества населения народа. Власть Мьянмы распространяется именно на “zoe” населения рохинджа - присутствие государственной регуляции выражается прежде всего на ограничение биологических прав рохинджа, при этом власть в таком проявлении невозможно назвать биополитической, поскольку конкретные законы, принимаемые правительством, не подразумевают под собой наличия у рохинджа биологических прав, а только ограничивают проявление жизни этих людей. Таким образом, стратегию действия властей Мьянмы можно считать исключительно некрополитической - она направлена не на регуляцию биологических процессов данного общества, а только на уничтожение и стирание его с лица той территории, на которой народ живет.

Как было показано мной выше, становление некровласти в Мьянме обеспечивается путем разделения, исключения и изменения структуры общества, в котором власть осуществляется. Так, первым необходимым действием является установление иерархической структуры власти по образцу “господин-раб”, где власть является гарантом того порядка, который будет установлен. Далее, формируется вертикальная политика, которая подразумевает превосходство одних групп над другими, что ведет к кризису распределения благ среди населения и нарушению равномерной реципрокности в обществе. Наряду с этими процессами, происходит

³²Тищенко С. Ф. Конфликт на юге Мьянмы. Причины, прогнозы. // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика. Пенза: МЦНС “Наука и просвещение”. С. 47

формирование экономических и политических институтов экстрактивности - их основная цель заключается в регулировании получения максимального дохода от труда одной группы в пользу другой группы.

Заключение

В ходе проделанной аналитической работы на примере геноцида рохинджа мной было выявлено несколько феноменов, сопутствующих утверждению некрополитики.

Во-первых, ключевое значение в контексте понимания некрополитических механизмов занимает изначальное непринятие властью другого как субъекта той же системы, в которой власть осуществляется. Это ведет к тому, что дискриминируемая группа - в приведенном мной примере этой группой является проживающий на территории Мьянмы народ рохинджа - остается во-первых, лишенной права на собственную идентичность, и во-вторых, вынесенной за пределы правового регулирования, установленного в конкретном государстве. Вследствие этого, территория, на которой проживает упомянутая группа, является воплощением концепции чрезвычайного положения, поскольку установленный в государстве правовой порядок не может быть применен по отношению к данному гетерогенному сообществу. Это открывает путь власти к возможности применения к нему суверенного насилия, не ограниченного никакими правовыми нормами, и фактически приводит к тому, что дискриминируемая группа получает статус “живых мертвецов”, жизнь которых остается возможной не благодаря усилиям власти, а вопреки. Результатом того давления, которое оказывается властью, является ответная реакция угнетаемого сообщества, проявляющегося в форме террора. В итоге, применение некровласти только усугубляет конфликт, превращая его в круговую поруку, состоящую из непрекращающегося насилия. Таким образом, борьба не на жизнь, а на смерть становится конституирующим элементом структуры некрополитики.

Список использованных источников

- 1) Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2010.
- 2) Борисов С. Н. Гегель как “мистик насилия” сквозь оптику А. Кожева и В. Беньямина // Известия тульского государственного университета. Гум. науки. - 2018. - №4
- 3) Gržinić M., Tatlić S. Necropolitics, Racialization and Global Capitalism: Historicization of Biopolitics and Forensics of Politics, Art and Life. Lanham: Lexington books, 2014.
- 4) Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.
- 5) Mbembe A. Necropolitics // Durham: Duke University Press. - 2019.
- 6) Тимофеева О. Химера суверенности: между Шмиттом и Батаем // Синий диван. - 2008. - №12.
- 7) Тищенко С. Ф. Конфликт на юге Мьянмы. Причины, прогнозы. // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика. Пенза: МЦНС “Наука и просвещение”.
- 8) Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- 9) ООН. Миссия ООН по установлению фактов обвинила военное командование Мьянмы в геноциде мусульман-рохинджа Текст : электронный // Организация Объединенных наций : официальный сайт. — URL:<https://news.un.org/ru/story/2018/08/1336912> (дата обращения: 11.12.22).
- 10) New wave of destruction sees 1,250 houses destroyed in Myanmar's Rohingya villages // International business times [Электронный ресурс] URL: <https://www.ibtimes.co.uk/new-wave-destruction-sees-1250-houses-destroyed-myanmars-rohingya-villages-1592582> (Режим доступа: 15.05.24)
- 11) Боевики-рохинджа признались в провоцировании геноцида собственного народа// новостное изд. lenta.ru [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/27/rohingya/> (Режим доступа: 22.05.24)